ИРТЫШЪ,

ПРЕВРАЩАЮЩІЙСЯ ВЪ ИПОКРЕНУ,

ЕЖЕМѢСЯЧНОЕ СОЧИНЕНІЕ,

издаваемое

отъ

Тобольскаго главнаго народнаго училища.

МѢСЯЦЪ НОЯБРЬ

1789 года.

Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги науки,
И счастье дома находить.

Ода къ Фелицѣ напечат

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Сочиненіямъ мѣсяца ноября.

Пастушская жалоба.

Наконецъ достигъ я сихъ необитаемыхъ береговъ! но небо покрыто тучами; такъ въ сей тихой дубравѣ, кажется, безпрепятственное имѣть можетъ стремленіе сокровенная скорбь моя; тамо могу я вольное дать теченіе слезамъ моимъ. Въ сихъ ужасающихъ тишиною своею мѣстахъ не обрѣтается ни единаго слѣда смертныхъ: единый Зефиръ здѣсь колеблетъ дыханіемъ своимъ гибкія древесныя вершины. Здѣсь то могу по крайней мѣрѣ свободно произносить стихи сіи, изображающіе ту скуку, которою толикое время наполняется сердце мое, и кою слезы источниками ліющіяся изъ очей моихъ ясно открываютъ. Въ семъ убѣжищѣ не вижу ничего такого, чтобы могло обнаружить тоску, сокрываемую во внутренности моей; сіи древа, сіи горы, хранящія вѣчное молчаніе, не измѣнятъ мнѣ въ тайнѣ, ввѣряемой имъ мною.

Уже дневный свѣтъ восходитъ на горизонтъ; уже верьхъ стремнистыя горы озаряется лучами непостижимаго свѣтила.

О солнце! ты, коему извѣстно злополучіе мое!.... Соловей! глава хора дубравнаго, сидя на ближайшемъ букѣ, заставляетъ внимать своему жалостному гласу! безпокойное ево съ вѣтви на вѣтвь перелетываніе, прохаживаніе, скорые обороты, движеніе трепещущихъ его крылъ..... все возвѣщаетъ смятеніе. Самое пѣніе его, есть изображеніе скорби. О ты! котораго, или любовь къ похищенной вѣрной подругѣ, или можетъ быть мои слезы и стенанія, возбуждаютъ изъявлять безпокойствіе, пріиди, соедини согласное, но жалостное пѣніе съ болѣзненнымъ гласомъ моимъ! последуй выражающимъ тоску мою стихамъ, которые предпріемлю воспѣть на Лирѣ моей. Мы будемъ воспѣвать попеременно: ты вымыслы свои, а я стихи сіи, которые Нимфы и Богъ лѣсовъ толь часто слышатъ. Ты не внемлешь мнѣ.... твои прерывающіеся вопли, твое роптаніе, сіе необычайное пѣніе.... твой взоръ безпрестанно обращенъ на гнѣздо, со всѣмъ опустѣвшее, вокругъ

коего ты летаешь. Ахъ! Я постигаю мысли твои; на взирая на болѣзнь мою, я вижу того, на варварскую руку коего, хищно разлучившую тебя съ возлюбленною, приносишь жалобы. Престань жаловаться, бѣдная птичка! та, которую корыстолюбивый ловчїй отъ тебя похитилъ, удалена, то истинно, отъ тебя: но сїя твоя подруга жива еще, она навсегда вѣрна тебѣ. Гибельная сѣть не иначе исхитила сїю нещастную отъ вожделѣнїй твоихъ, какъ, когда она, не имѣя инаго путеводца, кромѣ любви, летѣла на срѣтенїе тебѣ. Она и въ гибели помнила о той вѣрности, коею тебѣ клялася, и болѣе терзала ее болѣзнь тебѣ утратою ея причиненная, нежели собственное злополучїе.

Можетъ быть или враждебное орудїе исказило испещренныя ея крылїя, или ввержена въ тѣсное заключенїе, гдѣ она теперь питается слезами своими, и сокровенныя скорби ис-полняется, ни нѣжная рука преставляющая ей избранную пищу, ниже чистѣйшая вода, которою прохлаждается въ кристалловомъ сосудѣ, ниже позлащенная и живописью украшенная клѣтка, въ которой она плѣнною содержится, не

могутъ умѣрить муки ея. Лишъ только солнце обновитъ для насъ сіяніе свое, лишъ только нощь покроетъ небеса мракомъ, твоя подруга жалостнымъ гласомъ своимъ тебя вызываетъ; ты едичъ только заемлешъ воображеніе ея. Сей лѣсъ, которой приносилъ вамъ столько пріятствъ, безпрестанно представляется ея памяти. Она ежечастно помышляетъ о семъ источникѣ, при брегахъ коего вы водою вмѣстѣ прохлаждалися: конечно, твоя вѣрная подруга вѣчно не забудетъ сихъ мѣстъ, гдѣ, по согласію съ тобою, основала гнѣздо свое. Ежели когда трогаетъ слухъ ея пѣніе волею наслаждающихся птицъ, какихъ не производитъ она усилій къ исторженію себя изъ плачевнаго заключенія! Она туда и сюда прыгаетъ съ равнымъ безпокойствію своему проворствомъ. И такъ прерви стремленіе скорби своея и жалобъ на судьбу свою. Хотя ты разлученъ съ тою, которая составляла блаженство твое, хотя она удалена отъ тебя, хранитъ однако еще вѣрность тебѣ обѣщанную.

О небо! Ниса сдѣлалась мнѣ не вѣрною! такъ! Ниса, которая нѣкогда подобна мнѣ была въ нѣжности, презираетъ нынѣ

слезы мои. Но въ чемъ я преступилъ? какая неприязненная судьба?.... въ какомъ она заблужденіи?.... какое странное коварство такъ могло премѣнить сердце ея, что къ прежней горячности нашей толико чувствуетъ отвращенія? тихіе холмы, пріятные луга, источники, гдѣ мы себя другъ другу представили, пространные лѣса, убѣжище спокойствія, вы были нѣкогда мѣстами удовольствій; а нынѣ не имѣете никакихъ прелестей. Было нѣкогда время, въ которое я въ семъ безопасномъ уединеніи ища съ Нисою прохладной тѣни подъ древами, садился съ нею наконецъ при корени оныхъ, исполненъ будучи сладостнаго удовольствія выборомъ нашимъ. Гдѣ то нынѣ дѣвалось? Гдѣ Ниса? Я не вижу болѣе прелестей лица ея; она не возбуждаетъ болѣе во мнѣ веселія; я уже не вижу вокругъ себя слѣдовъ стопъ ея; уже не слышу гласа ея. Тщетно ищу Нису; тщетно хожу и паки возвращаюсь; тщетно въ сихъ мѣстахъ, толико знаемыхъ намъ, ожидаю ее отъ утренняго свѣта даже до темноты нощной. Увы! легковѣрной, лишь только тихое дуновеніе поколеблетъ листъ, я преклоняю туда

Тоболь-

внимательней слухъ мой, и сердце мое восстрепещетъ. Кажется мнѣ тогда, что нѣкій уже жалостный гласъ соотвѣтствуетъ воплямъ моимъ; обращаю взоръ туда; но увы! ничего не представляется мнѣ, кромѣ ручья съ журчаніемъ протекающаго. Оставлю мѣста сіи; я лишаюсь силъ моихъ среди толикаго множества предметовъ, кои къ вящему мученію моему представляютъ мнѣ только нещастіе мое.

Вотъ! на семъ то мѣстѣ, на сей прекрасной травѣ Ниса въ первой разъ сидѣла подлѣ меня; можетъ быть она уже теперь о семъ и не вспоминаетъ; ежели же когда и приведетъ себѣ на память минуту сію, то не иначе, какъ съ раскаяніемъ. Здѣсь клялася она хранить ко мнѣ вѣчное дружество; тамъ притворно представлялася разгнѣванною, тамъ вѣроломная кидала на меня смутные взоры, и послѣ улыбалася. Здѣсь отверзалася она прелестію розамъ подобящіяся уста свои на изреченіе мнѣ пріятныхъ укоризнъ; здѣсь стократно обвинила она недовѣрчивость и страхъ мой. Увы! когда она казалася проливающею слезы, я легковѣрнѣйшій, не зная никогда

искусство льстить и притворятся, отирал ея прекрасныя очи.

О время! о мѣста! какъ вы пременилися! .... Но что я вижу на корѣ сего дерева? .... По что вы, стихи, начертанные рукою моею представляетеся взору моему? когда Богъ любви споспѣшествуя страсти моей мнѣ внушалъ васъ, и когда остріемъ стрѣлы моей вы изображаемы были на корѣ сей: Ниса слышала васъ. Ниса тутъ часто читала вмѣстѣ со мною восхитительное повѣствованіе любви нашей ..... Мучительное воспоминаніе потеряннаго мною блага! Погибните злощастные признаки и свидѣтельства моея нѣжности! Да не существуютъ болѣе въ лѣсахъ сихъ памятники могущія нѣкогда обнаружить то пламя, которое меня снѣдаетъ! рука, васъ начертавшая, теперь васъ истребляетъ: да погибнетъ съ вами и чувствіе тайныя скорби моея! Вы, густосѣнныя древа, ставшія мнѣ ненавистными! Вы памятники злополучныя любви, да будите сокрушены острѣйшимъ орудіемъ, и огнь васъ въ прахъ да обратитъ! .... Нѣтъ! .... Существуйте .... существуйте, дражайшія древа: да содѣ-

лаются на васъ яснѣйшими и стихи мои, и да продлятся вмѣстѣ съ корою вашею! да будетъ мысль ихъ изображеніемъ любви ихъ начертавшаго! можетъ быть случится что какой нибудь нѣжной пастырь, идя мимо, прочтетъ васъ, и возчувствуетъ нѣкое удовольствіе отъ оказывающейся въ васъ способности и рѣдкаго чувствія. Можетъ быть Ниса нѣкогда паки увидитъ васъ; и можетъ быть позднее сожалѣніе, которое вы ей внушить можете, понудитъ ее пролить нѣсколько слезъ о любви сю измѣненной, и исторгнетъ изъ нея хотя единый вздохъ. Какъ!....не ужели она лишилась памяти? Нѣтъ! Я не могу тому вѣрить. Можетъ быть Ниса и теперь воспоминаетъ о знакахъ искреннѣйшія моея любви, толь часто ей мною тайно оказанныхъ. Такъ! время, мѣста, обѣщанія....Умолкни, жестокая надежда, умолкни! Я еще со всѣмъ не въ силахъ внимать гласу твоему. Ты мнѣ льстишь, и вѣроломство твое мнѣ пріятно? Ниса совсѣмъ изъ памяти истребила нѣжность и любовь мою; она о семъ болѣе не воспоминаетъ, или и не была никогда къ тому чувствительна.

Для чего предаю я обольщенное сердце мое лживой надеждѣ? Развѣ хочу еще хранить остатки безполезнаго пламени? Ежели я не въ состояніи подобиться забывающей меня Нисѣ въ жестокости, по крайней мѣрѣ да престанетъ теченіе слезъ моихъ. О Лира! ты, которая была мнѣ нѣкогда столь любезна; ты, которая вспомоществовала мнѣ прославлять въ тысящѣ различныхъ странъ имя Нисы съ украшеніемъ онаго изящнѣйшими титлами, забудь теперь его, забудь вѣроломство неблагодарныя; по тому что предъ глазами сея красавицы не заслужила ты никакой цѣны; удостоивай меня своей помощи, когда я касаяся златыхъ струнъ твоихъ, воспѣвать буду новыя пѣсни.

Мелпомена, потщись тогда споспѣшествовать гласу моему, когда я, пробуждаясь отъ сна, буду стараться проливать слезы полезнѣйшія мнѣ, нежели каковы нынѣ проливаю. Блаженъ я буду, когда новымъ твоимъ вдохновеніемъ возмогу наконецъ облегчить снѣдающую меня нынѣ печаль; злополученъ напротивъ, когда забывъ себя воспѣвать буду чужыя нещастія.

переведъ съ Францускаго
Иванъ Лафиновъ.

 губери—

ПРИТЧИ.

I

ГАСКОНЕЦЪ ВЪ ТРАКТИРѢ.

Езоповой лисѣ подобныхъ много есть.
Какъ та за высотой, поспѣвша винограда,
Не могши ѣсть,
Сказала : рада,
Что мнѣ не можно взлесть;
И что я не достану:
Онъ зеленъ, такъ равножъ я ѣсть его не стану.
Подобно и межъ насъ такъ многіе творятъ:
Когда имъ жаль чего, то рады, говорятъ;
Хотя имъ вѣрить въ томъ другіе не хотятъ.
Гасконецъ, не имѣвъ въ карманѣ ни алтына,
Въ трактирѣ жилъ,
И въ долгъ въ немъ ѣлъ и пилъ;
Но какъ то осердилъ онъ дому господина,
Которой нѣсколько, какъ видно былъ и грубъ,
Иль былъ ко знанію какъ жить гораздо тупъ.
И такъ тотъ, отлока всѣ дальчія запѣи,
Изъ дому своего прогналъ жильца,

Толкнулъ съ крыльца,
И чуть чуть не сломилъ ему бѣднашкѣ шеи.
Гасконецъ хоть того и больно не хотѣлъ;
Но въ низъ по лѣстницѣ, какъ птица, полетѣлъ:
Скорѣе онъ шара на улицу спустился.
Знакомый, мимо шедъ, тогда остановился,
Гасконецъ, видя то, не множко посмутился;
Однакожъ не совсемъ, какъ видно оробѣлъ,
Оправившись, вотъ что сказалъ себѣ въ отраду:
не льзя не быть мнѣ раду,
Давно сей мерской домъ оставить я хотѣлъ.

2

КОЛЬЦО.

Кто въ свѣтъ родится тупъ,
Тотъ сколько ни учись; но вѣчно будетъ глупъ.
А чтобъ моимъ словамъ побольше дали вѣры
Такъ надсбны примѣры:
Въ старинны времена, жилъ, былъ, одинъ отецъ,
У коего былъ сынъ ужъ взрослой молодецъ;

екаго

Но у сынка того понятья было мало,
Что бѣдствіе отца гораздо сокрушало.
Однакожъ наконецъ
По горевзніи рѣшился тотъ отецъ
Отдать сынка въ ученье.
Онъ такъ сказалъ въ себѣ: о сынъ я уморю,
Иль въ умницу тебя конечно претворю;
А имянно, отдамъ тебя я къ штукарю;
Что вздумалъ, то свершилъ: пришло сынку мученье.
А какъ съ стараньемъ льзя достигнуть до всего
То такъ же и штукарь добился до того,
Чтобъ началъ понимать детинка тотъ его.
Штукарь, то видя, продолжаетъ,
Глупца онъ принуждаетъ,
Насильно въ голову познанія кладетъ
И года черезъ три сынка къ отцу ведетъ,
Котораго отцу надмѣнно представляетъ,
И съ сыномъ старика учонымъ поздравляетъ.
Но чтобъ то самое на дѣлѣ доказать,
То въ руку что нибудь велѣлъ отцу зажать;
А что такое то? спросилъ потомъ у сына.
Детина

Тутъ къ дѣлу приступилъ,
И вотъ задачу такъ рѣшилъ:
По многимъ вычисленьямъ,
По многимъ спросамъ тожъ, по многимъ заключеньямъ,
Сказалъ онъ наконецъ,
Что круглу вещь собою,
Въ срединѣ съ пустотою,
Имѣлъ въ рукѣ отецъ.
Отца, что сынъ сказалъ, не мало веселило,
По той причинѣ, что кольцо зажато было.
Однакожъ, дабы зрѣть догадка какова,
Сверхъ всѣхъ наукъ, въ его любезномъ сынѣ,
По имяни велѣлъ онъ вещь назвать детинѣ.
Но чтожъ? — въ отвѣтъ на тѣ слова
Сказалъ сынъ: жернова.

3

ЗОЛОТОЙ ЗУБЪ.

Я нѣгдѣ то читалъ, и мнѣ то полюбилось,
Что гдѣ то слухъ прошолъ,
Что будто съ золотымъ зубкомъ дитя родилось.
Какой же толкъ о томъ пошолъ

Между мужей учоных?
Одинъ изъ оныхъ
Тому вину такую полагалъ,
Другой другую клалъ;
А третей говорилъ совсемъ уже иное.
Вѣть сто рѣдко можетъ быть,
Чтобъ изъ ученыхъ трое
Могли согласно мнить.
И такъ о зубѣ томъ различны вышли толки;
По томъ и писменны ужъ споры родились;
По томъ ругательства язвительны и колки,
И словомъ, мудрецы лишь только не дрались.
Однако же въ одномъ они оплошны были;
А имянно узнать о томъ совсѣмъ забыли,
Что подлинноль, иль нѣтъ,
Толь чудное дитя родилося на свѣтъ?
Что прежде споровъ знать, весмабъ имъ пригодилось:
Понеже то дитя отнюдь и не родилось;
А вышло наконецъ,
Что лжецъ
Былъ басни той творецъ.
Но сколько и у насъ межъ штатскихъ и придворныхъ,
Промежъ военныхъ и духовныхъ

И между женскі полі тожъ,
Случается что ложъ
Злословья, злобы, ссоръ, причиною бываетъ,
И больше, чемъ тотъ зубъ смятенье причиняетъ.

4
УЧЕНОЙ И СЛУЖАНКА.

Къ ученому пришла,
Котораго нашла
Сидѣвша у камина.
За чемъ же тотъ
Ее приходъ?
А вотъ тому причина:
Огонь былъ нуженъ ей.
Ученой внутренно смѣяться сталъ надъ ней,
То видя, что огонь нести домой хотѣла,
Однакожъ ничего съ собою не имѣла,
Во что бы уголь положить.
Онажъ о томъ отнюдъ не думала тужить,
И не заботилась ни сколько,
А только
Простывшей на ладонь золы понагребла,
И уголь на нее горящей положила.
И такъ она руки ни мало не ожгла;
А чтобъ ловчей нести, золой еще прикрыла.

Что видя, тотъ ученой мужъ
Чрезмѣрно удивился;
А какъ ошибки имъ сдѣланной стыдился,
То въ тужъ
Минуту онъ рѣшился,
Чтобъ правило сіе имѣть въ виду всегда,
Что презирать никѣмъ не должно никогда,
И что такова нѣтъ простова человѣка,
Которой бы въ теченьи вѣка,
Въ удобный часъ,
Чему ни есть не научилъ бы насъ.

Ив: Бах:

Собраніе древнихъ писателей нравоученія.

Издавши въ свѣтъ нравоученіе Цицерона и Конфуція предлагаетъ Господинъ Левекъ подобныя сему поученію различныхъ Философовъ, коихъ сочиненія весьма мало извѣстны. И такъ въ намѣреніи показать намъ правила Ѳеогниса, изъясняетъ то, что онъ могъ быть не извѣстенъ въ разсужденіи своей премудрости, будучи современникомъ Солону, которому оныя много разъ были приписываемы. Его нравоученіе, говоритъ онъ, божественное, но безъ важности: онъ не презираетъ невинныхъ удовольствій, не стыдится прославлять оныя; но онъ утверждаетъ, что можно только вкушать сладости оныхъ при спокойствіи чистой совѣсти и въ нѣдрахъ добродѣтели. Простой его слогъ самой чувствительной: безъ скуки слушаютъ его наставленія, потому, что онъ еще съ начала снискалъ отъ всѣхъ къ себѣ любовь. Древніе почитали правила его прорицалищемъ мудрости.

Иногда Философы украшали свои наставленія пріятнымъ стихотворствомъ,

для того, что свое лучше удерживается въ памяти. Θеогнисъ последовалъ ихъ примѣру; но его стихи имѣютъ гораздо болѣе изящества, красоты и согласія, нежели прочихъ.

,, О царь, сынъ Юпитера и Латоны, возопилъ онъ при начатіи своемъ, я никогда не позабуду тебя какъ при началѣ моихъ твореній такъ и при окончаніи оныхъ! Будь предмѣтомъ первыхъ и послѣднихъ моихъ пѣсней. Удостой меня благосклоннаго своего вниманія. Аполлонъ, могущественный царь и знаменитѣйшій изъ Боговъ, когда почтенная Латона произвела тебя на свѣтъ въ морѣ, то неимѣла другой помощи кромѣ весла, которое, обнявъ тебя, держала въ нѣжныхъ своихъ рукахъ. Волны были наполнены Божественнымъ благовоніемъ; самая земля веселилась, и глубокое море изъявляло радость въ отдаленнѣйшихъ своихъ волнахъ... Я васъ призываю Музы и Граціи, дщери Юпитеровы, воспѣвшія на бракѣ Кадмсвомъ достойныя васъ пѣсни, и столь часто повторяемыя смертными. Я предписываю правила человѣчеству: да будутъ мои пѣсни вѣчнымъ памятникомъ моей славы! Больше по-

хитили бы мое сочиненіе; я ни когда не оставлю его въ неизвѣстности; ни когда не можно перемѣнить того, что заключаетъ въ себѣ полѣзное, и всегда скажутъ: *ето стихи славнаго между всѣми смертными Ѳеогниса*.,,

Здѣсь предлагаются нѣкоторыя его мнѣнія, послѣдующія сему призыванію. ,, Послушай моихъ наставленій, младый Цирнъ. Я тебѣ предпишу правила, которыя мнѣ самому въ молодыхъ лѣтахъ преподаваемы были. Снискивай мудрость, берегись пороками и неправдою искать славы, богатства и могущества. Весьма выгодно удаляться сообщества злыхъ, а обращаться всегда съ добрыми людьми. Сдѣлайся достойнымъ сидѣть за столомъ мудрыхъ; заслуживай, дабы они позволили тебѣ подлѣ нихъ имѣть мѣсто, и потщись понравиться тѣмъ смертнымъ, которые соединяютъ добродѣтель съ могуществомъ. Обращаясь съ добрыми, научишся ты повиноваться добродѣтели, а съ худыми, почувствуешь въ своемъ сердцѣ изнемогшею ненависть къ пороку, и тотчасъ потѣряешь даже и самой разумъ, которой тебя просвѣщаетъ. ,,

Сей нравоучитель употребляетъ час-

то выразительнѣйшія сравненія. „ Трудами добродѣтельнаго человѣка, на примѣръ говоритъ онъ, пользуются злые; но левъ не всегда находитъ себѣ добычу; тако сердце человѣка сильнаго и несправедливаго часто остается въ снѣдающемъ его сумненіи. „

„ Твори добро злымъ, не ожидая отъ сего никакого оборота: оно разсѣяно по волнамъ возмущеннаго океана. Никогда не видно ни въ волнахъ морскихъ желтыхъ жатвъ, ни въ сердцѣ злаго человѣка благодарности. „

Онъ весьма часто соединяетъ услажденія, изобилующія при столахъ, съ услажденіями добродѣтели. И такъ возопилъ онъ: „ Юпитеръ, простри съ высоты небесъ руку твою къ моему отечеству, удостой своего защищенія! Да охраняютъ его прочіе Боги, а Аполлонъ да управляетъ моимъ гласомъ, и да просвѣтитъ мой разумъ! Пріятная свирель, согласныя струны моей лиры, провозглашайте священныя наши пѣсни! Изліемъ вино на жертву Богамъ, и воспользуемся благодѣяніями Бахуса. Богиня радости, оживи наши бесѣды, да не страшимся мы ни Мидовъ, ни ихъ оружія! Не ра-

зумно ли питать свою душу удовольствіями невиннаго веселія, изгнать изъ оной грызущія заботы, бѣдствія, случиться имѣющія въ старости и страхъ о смерти? „

Ежели правила Фоцилида, которыя полагаются здѣсь послѣ Ѳеогнисовыхъ, написаны въ подлинникѣ стихами не столь пріятными; то въ нихъ гораздо болѣе строгости примѣчается.

Нѣтъ кромѣ его ни одного Философа, котораго бы нравоученіе было самое чистое; нѣтъ изъ нихъ ни одного, которой бы напоминалъ намъ о пользѣ сего Божественнаго ученія, которой изъяснялъ бы весьма ясно и основательно безсмертіе души, труды и награды за оныя въ будущей жизни. (*)

„ Позволено ли человѣку развязывать то, что самымъ Творцемъ было соединено; говоритъ Фоцилидъ? Мы вѣримъ, что нѣкогда мощи мертвыхъ возстанутъ

(*) Многіе нехотя тому вѣрить, чтобъ нравоучительныя мнѣнія, напечатанныя на имя Фоцилида, были всѣ точно его, приписываютъ нѣкоторую оныхъ часть Христіанскимъ писателямъ: однако сіе мнѣніе не правдоподобно.

изъ своихъ гробовъ, паки возвратятся къ свѣту, и поставлены будутъ въ порядокъ съ Богами. Души и въ гнилыхъ трупахъ остаются невредимыми: ибо душа есть изображеніе Божіе, которое отъ него смертные получаютъ. Отъ земли заимствуемъ мы свои тѣла; они долженствуютъ разрушиться въ оной, и будутъ только одинъ презрѣнный прахъ. Душа сдѣлается чистѣйшимъ воздухомъ, изъ котораго она состоитъ.

„ Не щади суетныхъ твоихъ богатствъ: помни то, что ты смертенъ. Какое намъ удовольствіе принесутъ онѣ во адѣ? Снесемъ ли мы съ собою туда наши сокровища? „

„ Всѣ смертные равны, и Богъ одинъ управляетъ оными. Всѣ получатъ вѣчную жизнь, всѣ будутъ имѣть общее отечество, одно и тоже самое мѣсто ожидаетъ и бѣдныхъ и царей. „

„ Смертные, мы весьма мало имѣемъ времени для жизни: нѣкоторыя только минуты оной видимъ; но душа не почувствуетъ старости, а будетъ только веселиться въ вѣчной жизни „.....

„ Подними даже и самого копя смертельнаго твоего непріятеля, который

упалъ на пути. Весьма пріятно пріобрѣсть искренняго друга въ комъ нибудь изъ своихъ враговъ.... Почитай непорочьность нѣжныхъ дѣвицъ; не бери насильственно ихъ руки.... Нѣтъ, любовь не есть Богъ. Она изъ всѣхъ страстей опаснѣйшая и плачевнѣйшая. Сильнѣйшею пылай любовію къ участницѣ твоего жребія. Какое удовольствіе, какое счастіе, когда мудрая супруга любима своимъ мужемъ даже до позднѣйшей старости; когда ссоры никогда не разлучали сію блаженную чету! Воздерживайся отъ всякихъ плотскихъ вожделеній, не позволенныхъ еще брачнымъ договоромъ, которыя основаны только на насильствіи и обманѣ.... Зараза ли твоя душа? Твое тѣло всегда будетъ чисто.... Позволяй своимъ служителямъ въ изобиліи употреблять здравую пищу. хочешь ли Ты, чтобъ они тебя весьма любили? Не отказывай имъ въ томъ, чего они имѣютъ право отъ тебя ожидать. Богъ раздѣлилъ дары всему тому, что существуетъ. Птица получила скорость, а левъ силу; волъ защищается своими рогами, а пчела острымъ жаломъ; разумъ же служитъ обороною человѣку.,,

Послѣдующія правила Фоцилида по рознымъ мнѣніямъ приписываются *греческимъ Мудрецамъ*. По общему мнѣнію считается оныхъ семь; нѣкоторые присоединяютъ къ нимъ и другихъ, считая всѣхъ до семнатцати. Тѣ, о которыхъ говоритъ Г. Левекъ, суть Ѳалесъ. Солонъ, Хилонъ, Питтакъ, Віасъ, Клеобулъ и Періандръ. До него сіе не принадлежитъ, что послѣдній не исключенъ изъ сего числа.

Въ самомъ дѣлѣ никто не сдѣлалъ себя столь мало достойнымъ имени *Мудреца*, какъ сей Коринѳскій тиранъ, славный болѣе своею жестокостію, нежели изящными правилами. Не доволенъ будучи тѣмъ, что убилъ беременную свою жену, сослалъ въ заточеніе и сына, которой оплакивалъ смерть своей матери. Ему служили наказаніемъ за его злодѣянія раскаяніе и бѣшенство, которыя безпрестанно возмущали теченіе долговременной его жизни.

Способъ, который онъ избралъ къ прекращенію своихъ дней, достоинъ примѣчанія. Не могши онъ ни сносить столь долговременно своей жизни, ни отъ оной самъ непосредственно освободиться, въ

ночьное время послалъ молодыхъ людей въ одно потаенное мѣсто съ такимъ повелѣніемъ; дабы перваго пришедшаго къ нимъ человѣка убить: онъ то самой и былъ, которой пошелъ подвергнуть себя ихъ ударамъ, и они не разпознавъ его убили.

Главнѣйшія правила, которыхъ онъ не согласился исполнять, суть слѣдующія: „ желаешь ли ты безопасно царствовать? Не окружай себя бѣдоносными адскими оружіями; не имѣй инаго охраненія, кромѣ любви твоихъ подданныхъ.... Когда ты говоришь о своемъ непріятелѣ, то разсуждай, что можетъ быть онъ будетъ иногда твоимъ другомъ... Удовольствіе продолжается только на одну минуту; а добродѣтель безсмертна.„

Золотые стихи Пиѳагоровы, мнѣнія Демофила и Демократа, два письма Ѳеаны, супруги Пиѳагоровой къ Евбулу, и нѣкоторыя другія письма двухъ женъ Пиѳагоровыхъ заключаютъ сію книгу, чтеніе которыхъ вообще весьма вразумительно.

Перевелъ съ Французскаго языка
Тимоѳей Воскресенскій.

ЮЗБЕКЪ.

ПОДРАЖАНІЕ ФРАНЦУЗСКОМУ.

Во гнѣвѣ яростномъ не властвуя собою,
Юзбекъ былъ вѣрнаго раба готовъ сразить;
Уже вознесенное желѣзо надъ главою
Невинной кровью прахъ грозило оросить.
„Рази! Насыть себя!... Содѣлайся злодѣемъ,
Гласилъ Юзбеку рабъ согбенный подъ мечемъ,
„Ты властенъ дни пресечь; но вспомни что имѣемъ
„Мы въ сердцѣ судію, котораго ничемъ
„Не ублажишь, омывъ въ крови невинной руки;
„Знай, смерть моя тебѣ готовитъ въ жизни муки.
О совѣсть! Даръ небесъ!... Сколь внятенъ намъ твой гласъ!
Онъ слышенъ иногда и средь страстей волненья.
Тобою убѣжденъ, всю гнусность преступленья
Позналъ Юзбекъ тотъ часъ,

„ Живи, рабу онъ рѣкъ, и не страшись ни мало.
„ Мнѣ мнится, слышу я, что самъ гласитъ Творецъ:
„ Злодѣйства гдѣ начало,
„ Блаженства тутъ конецъ.

Ив: Бахт:

ЕЛЕГІЯ.

О Боже мой! Что я?... Что зделалось со мной?
Гдѣ дѣлся сладостный души моей покой?
Обрящуль я его? Нѣтъ! Небо раздраженно
Судило вѣчно мнѣ несчастному стенать.
Слѣда надежды нѣтъ! Знать сердце утѣсненно
Не может никогда спокойствія вкушать.
Что прежде было мнѣ невиннымъ услажденьемъ,
Все множитъ грусть мою, все тяготитъ смущеньемъ.
Стыжусь воззрѣть на свѣтъ, стыжуся самъ себя.
Но кто, злощастный, кто къ сему привелъ тебя?

Кто хищникъ твоего покоя сталъ злаго?
Кто въ тартаръ таковый низвергъ тебя живаго?
Не уже ли дерзнешь кого въ томъ клеветать?
Ты долженъ самъ себя въ сихъ мукахъ обвинять,
Жестокость коихъ всю теперь претерпѣваешь.
За собственны дѣла сію мзду получаешь.
А тѣмъ ужасніе твой долженъ духъ скорбѣть.
Что въ томъ участника не можешь ты имѣть.
Коль отъ враговъ мы зримъ несносно утѣсненье,
То честной всякъ подастъ намъ въ скорби утѣшенье:
Когда же кто виной мученій самъ своихъ,
Въ томъ не старается ни кто уменьшить ихъ;
Но лишь презрѣніемъ ихъ больше умножаетъ.
Твой духъ, преступникъ злой, твой духъ то ощущаетъ.
Къ кому прибѣгнешь ты? Отраду гдѣ найдешь?

Что къ обличенію себя изобрѣтешь?
Куда ни обратишь свои смятенны взоры,
По всюду только зришь язвительны укоры;
Ты всѣми поносимъ, предъ всѣми мерзокъ сталъ,
И тотъ, кто въ жизнь свою тебя отнюдь не зналъ,
Воззря на образъ твой съ презорствомъ тако скажетъ:
Преступникъ етотъ!.... Такъ! Его мнѣ видъ то кажетъ;
Взоръ смутенъ, потупленъ, лица блѣднѣйшій цвѣтъ,
Его задумчивость, печальны воздыханья,
И отвращеніе отъ обществъ и бесѣдъ,
Не знакиль совѣсти ужаснаго терзанья?
Терзанья совѣсти мнѣ, Небо, ощущать?...
Меня? Меня должны всѣ въ свѣтѣ презирать?
Ахъ! Мнѣль сіе судьба терпѣть опредѣлила?
О Боже! лучше смерть лютѣйшу въ свѣтѣ снесть,
Чѣмъ въ жизни потерять и щастіе и честь!
О естлибъ власть меня всесильна поразила!

О есть либы земля разверзшись пожрала!
Но что я?...Нѣтъ! цѣна порока превзошла
Желанну мною казнь. Я Каину подобясь,
Еще жизнь буду длить средь страха и стыда,
Отъ глазъ всѣхъ, знающихъ мои дѣянья, кроясь.
Когда же и умру; что будетъ и тогда?
Не уже ли порокъ мученья тѣмъ избѣгнетъ?
Нѣтъ! и по смерти онъ меня въ геенну ввергнетъ!
Увы! и смертный часъ приводитъ въ страхъ меня,
И въ жизни не могу узрѣть отрадна дня!
Се дарованная самимъ собой мнѣ доля!
Не зналъ ли я, что намъ дана съ тѣмъ только воля,
Чтобъ въ жизни всякъ не зло, но благо избиралъ?
Однакъ знавъ точно то, противно поступалъ.
Вкушай теперь плоды, духъ, своего упорства!
Законовъ вышняго достойна мзда презорства!

Внемлите склонные, подобно мнѣ, къ грѣхамъ!
Познайте участи опредѣленны намъ.
Вы видите примѣръ во мнѣ тому ужасный.
Невинныхъ вашихъ душъ да не вредятъ соблазны,
Стрегитесь, какъ огня, бѣсѣдъ и дружествъ злыхъ:
Какъ въ адской пропасти невинность гибнетъ въ нихъ,
Но О! тогдабы мнѣ такъ мыслить должно было,
Какъ зло еще души моей не заразило.
Содѣянъ грѣхъ: ужъ поздъ раскаянія гласъ.
Исправлюсь я!... Но что? Зло все не заглажденно.
До смерти будетъ то терзать меня всякъ часъ.
Пятно мое во вѣкъ не будетъ измовенно.

С. И. Лафиновъ.

Караибская любовь.

Любовь долженствовала бы говорить во всемъ свѣтѣ одинакимъ языкомъ, но вмѣсто того изъясняется почти въ каждой землѣ различно. На примѣръ, во Франціи она, не касаясь ни мало до души, имѣетъ цѣлію одни чувственныя утѣхи; у дикихъ же Американцовъ, выраженіе любовныхъ чувствій столь же просто, какъ и одежда жителей. Они даже не имѣютъ на языкѣ своемъ ни какихъ словъ изъясняющихъ непостоянство, обольщеніе, насильство, коварство и проч.

Съ острова Анамибу, одной изъ полуденнѣйшихъ странъ Американскихъ, гдѣ обожали Луну, увидѣли въ одинъ день приплывающіе къ берегу остатки разбитаго корабля. Изъ всѣхъ бывшихъ на томъ суднѣ одинъ только человѣкъ спасся. Онъ назывался Шевалiе Хвастуньякъ, былъ переводчикъ всѣхъ Американскихъ языковъ, и проч. Анамибуинцы имѣли обыкновеніе приносить въ жертву Лунѣ всѣхъ иностранцовъ, попадающихся

въ ихъ землю, не спрашивая за чемъ, и въ какомъ екипажѣ они къ нимъ заѣхали. Въ слѣдствіе чего схватили Хвастуньяка, и повели къ верховному жрецу Лунному.

По утру въ осмомъ часу пришли извѣстить иностранца, что по щастію нашли всѣ благоуханныя деревья и ароматы, предписаные въ уставѣ Первосвященниковомъ для всенароднаго жаренія чужестранцовъ. Островитяне начали дѣлать ему искреннія съ тѣмъ поздравленія, которыя однако же не съ лишкомъ ему понравились. Первосвященникъ вручилъ ему большой свертокъ писемъ къ Лунѣ, прося его съ благоговѣніемъ не потерять ихъ на дорогѣ, и отдать въ собственныя руки; потомъ далъ ему багровую раковину на прогоны. *

Собравшейся народъ и жрецы Лунные чувствовали великое удовольствіе, готовясь отправить посредствомъ огня, гонца къ своей Богинѣ; они начинали уже выходить изъ терпѣнія вида, что иностранецъ нимало не торопится просить о возведеніи его на приготовленный ему костеръ. Одного только обряда не

* Ходячая островская монета, равная нашему грошу.

доставало ко всеобщему удовлетворенїю, выключая однако же Хвастунъяка, которой хотя былъ и Гасконецъ, но отъ того не болѣе чувствовалъ охоты быть зажареннымъ. Вотъ въ чемъ состояла сїя предварительная церемонїя: прекраснѣйшая изъ всѣхъ дѣвушка имѣла одна изключительное преимущество выдрать всѣ волосы у страдальца и отрѣзать у него мизинецъ правой руки. Прелестная Рема единородная дщерь первосвященникова появилась. Караибы восхищенные красотою ея, начали хоромъ свистать, изъявляя тѣмъ по обычаю своему одобренїе. О, сколь нужно многимъ нынѣшнимъ писателямъ, чтобъ думали, что Драмы ихъ судятся Анамибуинцами!

Доброе сердце прекрасной Ремы, подъ великодушною завѣсою нѣжнаго сострадания ощущало сильнѣйшую любовь къ Хвастунъяку. Не худо увѣдомить незнающихъ, что ненарушимый законъ того острова позволялъ спасать жертву Лунную, въ такомъ случаѣ, когда дѣвица, избранная къ волосо выдирательной операцїи, будетъ имѣть столько твердости духа, чтобъ отрѣзать у самой себя мизинецъ правой руки; но волосамъ никогда не

бывает пощады; ибо де Луна о томъ и слышать не хочетъ. Прелестная Рема не умѣвшая съ начала изъяснить чувствій, столь скоропостижно въ сердцѣ ея родившихся, познала наконецъ страсть свою къ Хвастуньяку, и желая знать его о себѣ мысли, испросила у собранія позволенія поговорить съ нимъ на единѣ. Разговоръ между Гасконцемъ и нѣжною Ремою былъ безъ сомнѣнія лучшій изъ всѣхъ разговоровъ, когда либо въ Америкѣ бывшихъ, но понещастію я только послѣднія онаго рѣчи помню.

Я замѣчу мимоходомъ, что учтивость Анамибуинская требуетъ употребленія ты вмѣсто нашего вы, наипаче же между знатными особами, я же перевелъ сіе для того, что читатели мои не сбязаны, такъ какъ я знать всѣхъ Американскихъ нарѣчій. Вотъ отрывокъ ихъ разговора.

Будешъ ли ты мнѣ вѣренъ? — Гораздо вѣрнѣе тѣни твоей! — Кто же мнѣ поручится за твое постоянство? — Твои прелести — Онѣ минуются такъ какъ и любовь твоя! — То и другое есть богохуленіе! — Какъ не уже ли я въ самомъ дѣлѣ тебѣ мила? — Милѣе всѣхъ сокровищъ. —

А горячность твоя? — Вѣчно не уменьшится. — Ахъ!... Я отъ радости умираю! — А я отъ любви. — Полно не отъ страха ли? — Чортъ меня возми! Когда бы вся вселенная въ пепелъ обратилась, то никогда бы Хвастуньякъ и вздохнуть не подумалъ — Я Гасконецъ и страхъ встрѣчалъ только въ сердцахъ противуборниковъ моихъ! Рема хотѣла было нѣчто ему отвѣтствовать, но первосвященникъ приходомъ своимъ помѣшалъ имъ продолжать. Онъ облекшись въ торжественную одежду, началъ говорить къ собранію слѣдующую рѣчь:

„О вы! мущины и женщины Лунатики, желаю вамъ добраго вечера!

„О девять тысячь шесть сотъ семдесятъ восемь разъ щастливый пришлецъ! благословляй вѣчно судьбу приведшую тебя на брега наши! Радуйся знаменитый любимецъ Луны, великой нашей Богини! Безъ сомнѣнія присутствовала она при рожденіи твоемъ, и покровительствуетъ всѣхъ Гасконцовъ. Такъ любезный Хвастуньякъ, Божество наше удостоиваетъ тебя честію находиться при погребеніи твоемъ. Ахъ! Какая для тебя слава! Ты сего дня

„ужинать будешь на единѣ съ Луною!
„Разсматривай, созерцай съ хладнокровіемъ всю обширность твоего блаженства.
„Скоро, да, скоро, начнемъ мы жарить
„тебя медлительнымъ и пріятнымъ пламенемъ, оно очиститъ тебя превратя
„въ пепелъ, который будетъ храниться
„у насъ въ новой лакированной табакеркѣ.
„Весь костеръ твой составленъ изъ душистыхъ деревьевъ: представь же какимъ благоуханіемъ напитаешся ты,
„когда начнемъ мы совершать церемонію. Желаемъ тебѣ щастливаго пути.
„Я примѣчаю уже въ глазахъ твоихъ
„похвальную и благородную нетерпѣливость жариться. Покая мало, потерпи еще нѣсколько минутъ, и хотѣніе
„твое исполнится. Вѣрь, что мы покрайней мѣрѣ столько же какъ ты
„возчувствуемъ отъ тебя удовольствія.

Шеваліе Хвастуньякъ весьма недовольный рѣчію Первосвященниковою и предстоящимъ ему печеніемъ, съ великимъ трудомъ могъ удержаться, чтобъ не разбранить всѣхъ Анамибуинцовъ, но преодолѣвъ свою досаду, сими словами отвѣчалъ Караибскому собранію.

„Господа!

„Я Французъ, и что еще болѣе „Гасконецъ, слѣдовательно не хвастунъ: „но весьма люблю и почитаю женщинъ. „Съ великимъ бы удовольствіемъ сего дни „пошелъ я къ Лунѣ ужинать, безъ той „маленькой церемоніи, которой она отъ „всѣхъ иностранцовъ предварительно тре-„буетъ. Я чувствую, что трудно бу-„детъ мнѣ къ тому привыкнуть, есть „ли бы не былъ столько учтивъ, какъ „есмь, то сказалъ бы вамъ, что вы „жить не умѣете; притомъ же странное „ваше обыкновеніе жарить для Луны „всѣхъ любопытствующихъ видѣть ва-„шу землю, не вѣжливо и не благопристойно. И такъ я не могу слѣдовать „вашимъ обрядамъ; но дабы доказать „уваженіе мое къ вашей Богинѣ, кото-„рая какъ вы сказываете великая охот-„ница до чужестранныхъ волосовъ.... „Я дарю ей свои, вотъ они! Въ про-„чемъ желаю ей такъ, какъ всей честной „компаніи спокойной ночи.

Для изъясненія таковаго поступка, которой похнетъ древнимъ Римскимъ геройствомъ, за долгъ почитаю извѣстить читателей, что Шевалiе Хвастуньякъ,

носилъ парикъ, и въ день кораблекрушенія своего велѣлъ себѣ начисто обрить голову, и такъ безъ всякаго геройства бросилъ свой парикъ въ глаза Первосвященнику. Караибы въ такихъ вещахъ не столь, какъ мы знающи, остолбенѣли, увидя оное, и вскричали единогласно: чудо! чудо!

Первосвященникъ съ примѣрнымъ благоговѣніемъ поднялъ волосяной шлыкъ Хвастуньяковъ, и намазавъ его семь разъ пальмовымъ масломъ, возложилъ на жертвенникъ Луны. По семъ заревѣли имнъ въ честь Богинѣ, и кропили пять разъ Хвастуньяка по обычаю коровьимъ каломъ.

По данномъ отъ Первосвященника знакѣ, предстала любви достойная Рема, не имѣя кромѣ стыдливости иного покрова. Она съ величавостію держала въ рукѣ ножницы въ коженомъ футлярѣ. Шевалье, смотря на нее, казалось, пожиралъ ее глазами, нимало не помышляя о своемъ мизинцѣ, коего долженствовалъ онъ вскорѣ лишиться.

Нѣжная Рема положивъ съ почтеніемъ ножницы, посвященные Лунѣ, на палецъ правой ноги своего родителя, наклонилась къ Лунному жертвеннику, и съ

цѣломудреннымъ видомъ изрѣкла слѣдующія слова:

,,О вы родители мои, родственники, друзья и любезные соотечественники Лунатики! не ужели вы почитаете меня столь безчеловѣчною, чтобъ могла я отрѣзать палецъ сему прекрасному иностранцу, коего безъ сомнѣнія вы тотъ же бы часъ зажарили въ честь Лунѣ, которой вы всѣ приписываете чрезъмѣрную охоту къ чужестраннымъ жаренымъ мясамъ, правда ли то, иль ложь, до того мнѣ нѣтъ дѣла. Замѣтьте только, что Боги избавили Хвастуньяка отъ потоплѣнія чудеснымъ образомъ. О вы, которые называете себя исполнителями священныхъ хотѣній Луны, скажите, какъ дерзаете вы быть не милосердѣе божества, которому иностранецъ сей покланяется, я могу спасти его, законъ то дозволяетъ. Пускай же будетъ онъ живъ. мизинецъ больше или меньше, для Караибской любовницы ничего незначитъ; (въ семъ мѣстѣ отрѣзываетъ она себѣ мизинецъ, бросаетъ его въ огонь. а первосвященникъ въ тоже самое время кидаетъ тудаже плачущія

парикъ Хвастуньяковъ.) ,, Любезный Фран-
,, цузъ, вотъ какъ искренная любовница
,, открываетъ тебѣ страсть свою! О вы
,, жестокіе жрецы, помните навсегда, что
,, единое средство уподобиться божест-
,, ву есть, быть человѣколюбивымъ, ве-
,, ликодушнымъ и сострадательнымъ; такъ
,, единая жертва достойная Богогъ есть
,, доброе сердце.

Шевалье Хвастуньякъ восхищенный такимъ великодушіемъ, не могъ промолвить ни одного слова; отъ того, что много хотѣлъ сказать. И такъ пребывалъ онъ въ выразительномъ молчаніи. Бракъ его съ прекрасною Ремою въ туже минуту совершился по Анамибуимскому обряду, а благоуханный его костеръ превратился въ потѣшный огонь.

Вѣроломный Хвастуньякъ позабылъ скоро мизинецъ и прелѣсть великодушной Ремы. Сіе было причиною его погибели; нѣжная его супруга знавшая чрезмѣрную строгость островскихъ законовъ противъ непостоянныхъ мужей, долгое время старалась скрывать свои слезы, и всѣ способы употребляла для возвращенія къ себѣ любви сего вѣтренаго супруга, но все было тщетно; на-

конецъ страданія ея и отчаяніе прекратили въ лучшемъ цвѣтѣ бѣдственную ея жизнь. Такимъ то образомъ жестокосердый Гасконецъ спасшійся единымъ великодушіемъ намѣру нѣжной Ремы, въ награду приключилъ ей смерть своею невѣрностію. Надѣвши траурь по своей женѣ, думалъ онъ симъ только отдѣлаться; но поустановленному закону противъ невѣрныхъ мужей, его изжарили и съѣли при первомъ народномъ обѣдѣ. Нельзя довольно строго наказывать мрачную неблагодарность. Сей позорный порокъ унижаетъ души и сераца наши. О! Сколькобы мужей изжарено было въ Европѣ, естлибы мы слѣдовали Анамябуимскимъ законамъ.

Перевелъ съ Французскаго

П........ С.........ъ

ЕПИГРАММЫ.

I.

Дивишся ты, мой другъ, что Лиза молода,
А блескъ красы ея всечасно увядаетъ:
Но что за диво то? Прелестный цвѣтъ когда
Не огражденъ стоитъ, всѣхъ взоры привлекаетъ;
Ктобъ ни узрѣлъ его, не медлитъ осязать:
А отъ сего ему какъ блеску не терять?

II.

Проступокъ маленькой въ мигъ Клита воспалитъ.
Въ немъ гнѣвный огнь и то ужасно вожжигаетъ,
Чего другой въ порокъ совсѣмъ не причитаетъ.
Не ясноль истинну ту подтверждаетъ Клитъ,
Что низкость больше жаръ палитъ предъ высотою,

Хоть обѣ были бы подъ равной широ-
тою?

III.

Дамонъ не престаетъ предъ всѣми у-
тверждать,
Что сынъ его умомъ обширнымъ обла-
даетъ:
Но что всякъ про себя отсюда заклю-
чаетъ?
Что умомѣромъ вѣкъ Дамону не бывать.

IV.

Перестанешь ли меня Клариса увѣрять?
Что отъ роду тебѣ лѣтъ только двад-
цать пять?
Кто истинну одну лѣтъ съ десять под-
тверждаетъ,
Конечно на свою всѣхъ сторону скло-
няетъ.

Соч. Ив. Лафиновъ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЯМЪ.

Почтенные Господа Издатели,

Милостивые мои Государи!

Воспользовавшись открытіемъ здѣшняго Народнаго Училища, получа во ономъ нѣкоторое познаніе Россійскаго языка, и слѣдуя своему движенію, перевелъ я нѣчто съ Персидскаго на Россійской языкъ. Хотя, и вѣдаю то совершенно, что оный долженъ быть весьма недостаточенъ; но во изъявленіе чистѣйшей моей признательности къ виновницѣ толь щедро изливаемыхъ благъ на вѣрноподданныхъ своихъ, не изъемля ни единаго состоянія, и въ доказательство, что употребленное на меня попеченіе не осталось вовсе безъ успѣха, счелъ долгомъ, первый мой трудъ послать при семъ на ваше разсмотрѣніе съ тѣмъ, что буде недостатки онаго не воспрепятствуютъ, то и прошу помѣстить въ ежемѣсячное ваше сочиненіе. Въ прочемъ съ безконечною благо-

дарностію за ваше о мнѣ попеченіе, съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію пребуду вѣчно.

Милостивые мои Государи,

Покорнѣйшимъ слугою

Бухаретинъ Апля Маметевъ.

Мнѣніе Магометанъ о смерти Пророка Моисея, переведенное съ Персидскаго языка на Россійской Бухаретиномъ Аплею Маметевымъ. (*)

Вышедъ нѣкогда Пророкъ Моисей въ поле, увидѣлъ пришедшаго къ нему Ангела Азраила, которой сказалъ ему, что онъ посланъ къ нему отъ Бога для взятія его души, потому что теперь пришелъ часъ твоей смерти. Тогда Моисей сказалъ Ангелу, какимъ образомъ ты будучи мнѣ пріятель возмешь мою душу и какъ можешь безъ друга жить? Притомъ, ежели ты хочешь взять душу изъ устъ моихъ, то не можешь потому, что я будучи на горѣ Синайской, говорилъ съ Богомъ; ежели же изъ глазъ моихъ, то я оными видѣлъ свѣтъ Божій; а ежели изъ ушей, то я слышалъ оными слова Божіи; и всѣ такіе дѣлалъ Моисей вопросы, на которые Ангелъ, не въ силахъ будучи ни чего ему отвѣчать, возвратился къ Господу

(*) Причиною напечатанія здѣсь сего перевода было то, дабы переводчика побудить къ важнымъ трудамъ.

Богу, и пересказалъ все, что ни говорилъ ему Моисей. Послѣ сего пришедши домой Моисей сказалъ самъ себѣ: теперь несомнѣнно душу мою отдамъ; почему, пришедъ къ матери своей, требовалъ отъ нее благословенія отправиться въ дальный путь. Мать услышавъ отъ Моисея такія слова, заплакала, что увидѣвъ Моисеевъ тесть, спрашивалъ о причинѣ ея слезъ. Когда же какъ тесть, такъ и все его родственники услышали, что Моисей отправляется на тотъ свѣтъ; то и они всѣ заплакали. Но жена Моисеева не утѣшнѣе всѣхъ плакала, представивъ ему то, что какимъ образомъ послѣ его оставшіеся дѣти и она будутъ жить, и кто ихъ пропитаетъ, что услышавъ отъ жены своей Моисей, весьма запечалился. Въ самое то время Моисей услышалъ Божій гласъ, повелѣвающій ударишь жезломъ, которой былъ у него въ рукахъ, объ камень, лежащій въ его домѣ. Онъ тотчасъ исполнивъ оное повелѣніе, увидѣлъ, что сей камень раздѣлился на три части, и изъ третьей части камня вышелъ червь, держащій въ роту зеленый листъ. Какъ скоро червь оттуда вышелъ, то и началъ

благодарить Бога за то, что ему, и внутри темнаго камня находящемуся, Богъ давалъ пропитаніе. Въ тоже время вторично слышанъ былъ гласъ Божій къ Моисею. Азъ есмь Богъ, дарующій всякой твари пропитаніе, то для чего ты Моисей соболѣзнуешъ о дѣтахъ своихъ? Тогда то его жена познавъ то, что Богъ заповѣдалъ Моисею, возрадовалась отъ всего сердца, и простилась съ Моисеемъ, такъ какъ и всѣ его родственники. Моисей вышедъ изъ дому своего, увидѣлъ въ полѣ двухъ человѣкъ, копающихъ могилу когдаже онъ спросилъ ихъ: кому вы копаете сію могилу? то они отвѣчали: тому сію могилу готовимъ, кто Богу пріятенъ. Тогда Моисей сталъ просить позволенія ему итти въ сію могилу; и какъ скоро получилъ, то и легъ въ оной. Въ то время пришелъ къ нему Ангелъ Азраилъ, и по повелѣнію Божію взялъ его душу. Такимъ образомъ Моисей умеръ: копающіе же два человѣка могилу, были Ангелы, Михаилъ и Гавріилъ.

ПѢСЕНКА.

Ахъ, какъ скучно, мой любезной,
Безъ тебя здѣсь жить одной!
Проливаю я токъ слезной,
Разлучившися съ тобой. 2.

✿

Какъ тебя я здѣсь не вижу,
Мнѣ и свѣтъ сей весь немилъ,
Все на свѣтѣ ненавижу,
Лишь бы ты со мною былъ. 2.

✿

Чѣмъ ты далѣ отъѣзжаешь,
Грудь мою жжетъ большій зной,
Всю прохладу отнимаешь,
И покой отъемлешь мой. 2.

✿

Хоть веселье здѣсь и смѣхи
Представляются вездѣ;
Нѣтъ ни малой въ нихъ утѣхи,
Лишь наносятъ муки мнѣ. 2.

✿

Тѣ мѣста уже сокрылись
Отъ твоихъ прелестныхъ глазъ
Гдѣ съ тобой мы веселились,
Любовались каждой разъ. 2.

Жаръ тѣмъ болѣе пылаетъ,
Какъ лишь вспомню я тебя,
Никогда не утихаетъ,
Всякъ часъ мучуся стеня. 2.

✡

О! Несчастна я всѣхъболѣ,
Можноль мнѣ сіе снести;
Не могу на свѣтѣ долѣ
Жизнь горчайшую вести. 2.

✡

Пусть судьба опредѣлила
Насъ съ тобою разлучить;
Но хотя и разлучила,
Буду въ вѣкъ тебя любить. 2.

✡

Соч. Ив: Наб:

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО ПЛИНIЕВЫХЪ ПИСЕМЪ.

КНИГИ ЧЕТВЕРТОЙ ПИСМО 13.

ПЛИНIЙ КОРНЕЛIЮ ТАЦИТУ.

Плинiй согражданъ своихъ увѣщеваетъ, дабы учредили училище, на содержанiе коего третью часть суммы самъ внести обѣщаетъ; наконецъ проситъ Тацита отъискать учителей.

Радуюсь, что вы въ добромъ здоровьѣ возвратились въ городъ. Вашъ прiѣздъ ни когда мнѣ столько желателенъ не былъ. Я и самъ не долго пробуду въ Тускуланѣ, дабы только не большое сочиненiе, которое я началъ, окончить. Ибо опасаюсь, что если при концѣ прерву трудъ мой, то не легко мнѣ опять за него приняться будетъ. И такъ, дабы ни что не могло воспрепятствовать моему въ томъ рвенiю и нетерпѣливости, я прошу васъ предварительно письмомъ симъ, о чемъ, увидѣвшись съ вами, просить буду. Но прежде, нежели предложу вамъ прозбу мою, скажу вамъ,

что меня къ тому побудило. На сихъ дняхъ, какъ былъ я въ отчизнѣ мой, пришелъ поздравить меня сынъ одного земляка моего. „Учишься ли ты? спросилъ я его. „Да учусь, отвѣтствовалъ онъ. „А гдѣ? — въ Медіоланѣ. — „Для чего же не здѣсь? Отецъ его, которой тутъ же находился и самъ его ко мнѣ привелъ, сказалъ: „что у нихъ нѣтъ „учителей. — „Для чего же нѣтъ? для „васъ отцевъ (и къ статѣ, многіе отцы сіе слышали) „весьма нужно, чтобы дѣти ваши здѣсь учились. Ибо, „гдѣ они могутъ жить съ большею пріятностію, какъ не въ своей отчизнѣ? „гдѣ надежнѣе образовать нравы ихъ, „какъ не предъ глазами родителей? Гдѣ „съ меньшимъ расходомъ содержать ихъ, „какъ не дома? И такъ, чего думаете „вы, стоить будетъ здѣсь содержаніе „учителей? для сего содержанія сколько „надлежитъ прибавить къ тому, что „вы тратите нынѣ на дѣтей въ другомъ мѣстѣ обучающихся. Ибо тамъ „все покупать должно. Я, и не имѣя „еще дѣтей, готовъ въ пользу общества нашего, къ коему чувствованія и „сына и отца сохраняю, дать третью

„ часть той суммы, какую вамъ поло-
„ жить на сіе учрежденіе угодно будетъ.
„ Я далъ бы и все къ тому потребное,
„ но опасаюсь, что бы сей даръ мой не
„ употребленъ былъ во зло при домога-
„ тельствѣ не достойныхъ онаго званія,
„ чего примѣры вижу во многихъ мѣс-
„ тахъ, гдѣ учители на общественномъ
„ иждивеніи содержатся. Таковый безпо-
„ рядокъ тѣмъ только отвратить мож-
„ но, что бы однимъ родителямъ пре-
„ доставить выборъ оныхъ, и необходи-
„ мостію собственныхъ издержекъ обя-
„ зать совѣсть ихъ къ безпристрастно-
„ му избиранію; ибо тѣ, кои можетъ
„ быть вознерадѣли бы о чужемъ, безъ
„ сомнѣнія свое лучше употребить по-
„ стараются, и будутъ пещися, дабы
„ иждивеніемъ отъ меня данымъ одни
„ только достойные воспользовались,
„ ежели родители свое къ тому присо-
„ вокуплять станутъ. И такъ подумай-
„ те, примите благоразумное намѣреніе,
„ и будьте ревностнѣе меня; меня, ко-
„ торый желалъ бы еще болѣе сему спо-
„ собствовать. Ничего пристойнѣе для
„ дѣтей своихъ и ничего пріятнѣе для
„ отечества своего учинить вы можете.

„Пусть обучаются они въ отчизнѣ
„своей и съ самаго младенчества при-
„выкаютъ любить страну свою и жить
„въ оной. О когда бы могли имѣть толь
„знаменитыхъ учителей, что бы изъ
„сосѣдственныхъ городовъ къ вамъ обра-
„тились для ученія, и какъ нынѣ дѣ-
„ти ваши въ чужія мѣста, такъ бы
„вскорѣ отъ туда къ вамъ стекалися!„
Я почелъ за нужное къ вамъ писать о
семъ началъ съ самаго источника; дабы
вы знали, сколь чувствительно одол-
жите меня, если исполните то, о чемъ
прошу васъ; а прошу покорно о томъ,
что бы между множествомъ ученыхъ,
кои славою дарованій вашихъ къ вамъ
привлекаются, посмотрѣть способныхъ
къ помянутымъ мною должностямъ, съ
такимъ однакожъ договоромъ, чтобъ меня
въ то не вмѣшивать. Ибо я все на волю
родителей оставляю; пусть они сами
объ нихъ судятъ и ихъ избираютъ; для
себя только издержки и попеченіе пре-
доставляю. И такъ если найдется такой,
который надѣется на свои способности,
тотъ пусть сюда ѣдетъ, только съ
тѣмъ, что бы онъ о достоинствѣ своемъ
совершенно былъ увѣренъ.

Прощайте

КНИГИ СЕДЬМОЙ

ПИСЬМО 27.

ПЛИНІЙ КЪ СУРѢ.

Плиній спрашиваетъ Суру, существуютъ ли привидѣнія? Что самъ подтверждаетъ примѣрами Курція Руфа, Аѳенодора философа и своихъ домашнихъ, которымъ призраки показывалися.

Свободное время, каковымъ наслаждаемся мы, и мнѣ учиться, и вамъ наставлять позволяетъ. Почему весьма желательно мнѣ знать отъ васъ, имѣютъ ли собственный какій ни есть образъ, и суть ли нѣкіе духи; или токмо пустыя представленія въ устрашенномъ вообраҗеніи нашемъ раждающіяся? Вѣрить, что подлинно есть призраки, во первыхъ убѣждаетъ меня приключеніе съ Курціемъ Руфомъ бывшее. Какъ онъ еще не былъ богатъ и знатенъ, слѣдовалъ въ Африку за Проконсуломъ. Подъ вечеръ прогуливался онъ въ галлереѣ: представился ему образъ жены, имѣющія ростъ и красоту

паче, нежели человѣческую: страхъ объялъ его: „ Я Африка, сказала она, я возвѣщу, „ что тебѣ впредь случиться имѣетъ,, ; „ ты поѣдешь въ Римъ, достигнешь вы- „ сокихъ честей, и въ сію провинцію „ возвратившись проконсуломъ, умрешь. „ Все збылось, какъ она предсказала. сверьхъ того повѣствуютъ, что по прибытіи его въ Карфагенъ, тотъ же самый образъ встретился съ нимъ при выходѣ изъ корабля. И подлинно впалъ онъ въ болѣзнь, и судя изъ прошедшаго о будущемъ, о нещастіи изъ благополучія, отложилъ всю надежду къ выздоровленію своему, хотя и никто изъ друзей его въ томъ не отчаявался. Но еще страшнѣе и не меньше удивительнѣе скажу вамъ исторію, такъ какъ я самъ слышалъ. Былъ въ Аѳинахъ весьма большой и пространной домъ, но обезславленный тѣмъ, что для живущихъ былъ онъ опасенъ. Во время нощнаго молчанія, звукъ отъ желѣза происходящій, а если послушать пристальнѣе, то бряцаніе оковъ, сперва въ дали, а потомъ въ близи слышимо было: послѣ тотчасъ являлся призракъ, въ видѣ сухаго и скареднаго старика, съ длинною бородою, дыбомъ стоящими волосами; на рукахъ

и на ногахъ были у него оковы, которые потрясалъ онъ ужаснымъ образомъ. По сей причинѣ живущіе въ домѣ семъ проводили ночи съ безпокойствомъ, въ страхѣ и безъ сна: за безсонницею болѣзнь, а за болѣзнію при умноженіи ужаса и смерть послѣдовала. Ибо призракъ хотя днемъ и не являлся и изчезалъ, но впѣчатленіе, имъ учиненное, его и днемъ не престанно предъ глаза представляло, и ужасъ былъ продолжительнѣе, нежели причины ужасъ сей производящія. По сему домъ брошенъ, преданъ запустѣнію, и весь оному страшилищу оставленъ однако прибито было объявленіе, съ тѣмъ, а вось либо кто нибудь, не зная такой опасности, купитъ его или найметъ. Пріѣжжаетъ въ Аѳины философъ Аоенодоръ, читаетъ объявленіе, и слыша о цѣнѣ, малость коея была ему подозрительна, разпрашиваетъ, обо всемъ узнаетъ, но напротивъ тѣмъ паче нанять его желаетъ. При наступленіи вечера, приказываетъ изготовить для себя постелю въ передней горницѣ, и подать записную книгу, перо, свѣчу; домашнихъ же въ заднія покои отсылаетъ, а самъ напрягаетъ къ писанію и мысль, и глаза, и руку,

что бы праздное воображенiе не представило ему сказанныхъ привидѣнiй и пустыхъ страховъ. Въ началѣ ночи настаетъ обыкновенное повсюду молчанiе, потомъ слышенъ стукъ желѣзъ, и перебиранiе цѣпей; однако онъ не подымаетъ глазъ, не покидаетъ пера, но укрѣпляется и силится обмануть слухъ свой: стукъ усугубляясь приближается, и уже будто при дверяхъ, а на конецъ въ самой горницѣ слышится. Тутъ Философъ нашъ оглядывается, видитъ и познаетъ описанный ему призракъ. Сей, остановясь и помавая перстомъ, зоветъ къ себѣ Аөинодора, который напротивъ даетъ знать рукою, чтобы онъ не много обождалъ, а самъ писать продолжаетъ. Призракъ гремитъ надъ головою пишущаго; сей опять оглядывается, видитъ, что тотъ его какъ и прежде, къ себѣ призываетъ, тогда не мѣдля болѣе, взявъ свѣчу, за нимъ последовалъ. Призракъ шелъ тихими стопами, какъ будьто бы изнемогая подъ тяжестiю оковъ своихъ, лишь только вышелъ на дворъ, то вдругъ изчезъ, оставивъ сопутника своего, который нарвавъ травы и листья, для примѣты

кладетъ на томъ мѣстѣ. На другой день объявляетъ правительству, предлагая, не благоволено ли будетъ приказать разрыть сное мѣсто. Разрывъ же находятъ голыя и попортившіяся кости цѣпями опутанныя; а тѣло временемъ и влагою земною давно уже истреблено было: собранныя кости погребаютъ всенародно; и съ тѣхъ поръ, какъ усопшему послѣдній долгъ отданъ, тишина дому не была имъ больше возмущаема. Сему я по утвержденію другихъ, а слѣдующее самъ могу предъ другими утверждать. Есть у меня отпущенникъ Маркъ, человѣкъ не грамотной. Онъ спалъ на одной постелѣ съ младшимъ своимъ братомъ, которому привидѣлось, будьто бы кто-то стригъ у него съ маковки волосы. На разсвѣтѣ и нашли, что верхъ головы его былъ остриженъ, а волосы лежали на постелѣ. Вскорѣ послѣ того, и другое подобное приключеніе, подтвердило вѣроятность перваго. Одинъ мальчикъ въ училищѣ спалъ вмѣстѣ съ своими товарищами: двое въ бѣлой одеждѣ, какъ онъ сказываетъ, вошедъ окномъ въ горницу, его лежащаго остригли, и такимъ же образомъ, какъ вошли прежде удалились.

По утру и сего такъже нашли остриженнаго, и волосы разбросанные. — Сіе не имѣло важныхъ слѣдствій, кромѣ того, что я не былъ обвиненъ предъ Домитіаномъ, при которомъ все оное случилось; да и былъ бы естьли бы сей государь долѣе прожилъ. Ибо между письмами его нашлось доношеніе, отъ Метія Кара на меня поданное изъ котораго догадываться можно, что, какъ обвиненные обыкновенно отпущаютъ себѣ волосы, то обстриженіе моихъ служителей означало, что я избѣгъ грозившаго мнѣ нещастія. По чему прошу васъ употребить ко объясненію сего все ваше знаніе. Предметъ достоинъ вашего глубокаго размышленія: да и я не достоинъ быть участникомъ вашихъ знаній. Хотя вы, по обыкновенію своему съ ровною силою два противныхъ мнѣнія утверждать и отрицать можете; однако склонитесь къ которому нибудь болѣе, дабы меня въ сомнѣніи и неизвѣстности не оставить; ибо для того отъ васъ и совѣта требую чтобы перестать сумнѣваться.

Прощайте.

Напечатанныя въ прошедшемъ мѣсяцѣ загадки значатъ:

1 я. Перо. 2 я. Ехо. 3 я. Сонъ.

ЗАГАДКИ.

I

Дабы предложенну загадку отгадать,
То слушай, должно что въ семъ случаѣ узнать:
Вопервыхъ, что бы дать порядочну фигуру
Намъ, то хоть зналъ бы ты, хоть нѣтъ Архитектуру,
Нѣтъ нужды, только лишь въ семъ случаѣ имѣть
Потребно кругочертъ и топоромъ умѣть.
Бочарить нѣсколько, а чтобъ не ошибиться,
То должно напередъ съ етомъ извѣститься,
Чтобъ двумъ побольше быть и менѣе быть двумъ;
А для отгадки всякъ сіе возми въ свой умъ:
Что были головы и умны они были,
Однакъ намъ видъ въ квадратъ еще не обратили
При томъ же малые всегда рѣзвѣй бѣгутъ,

Чрезъ что большіе ихъ во вѣкъ не на-
стигутъ,
А естьли бъ захотѣлъ насъ человѣкъ до-
гнать,
То не догонитъ онъ, но долженъ то знать
Что мы пройдемъ шесть верстъ какъ
онъ одну проходитъ:
И слѣдственно настичь никакъ средствъ
не находитъ.

II.

Меня раждаетъ мать, котору пожираю,
Я, но пожравъ ее, самъ тутъ же умираю.
А по тому ея смерть смертію моей.
Узнать же можетъ всякъ меня и безъ очей
Лишъ только надобно ко мнѣ ему кос-
нуться,
Коснувсяжъ помѣдлить, дабы не обмануться.

III.

Рожденіе мое за диво можно счесть
Когда написано объ ономъ здѣсь прочесть:
Родился я на свѣтъ, но въ свѣтѣ меня
нѣтъ,
А чтобъ увидѣть свѣтъ, то должно
просидѣть.

Въ тюрмѣ мнѣ нѣсколько, въ которой нѣтъ дверей
Для отвореньяжъ ихъ потребно взять трудъ сей:
Дабы не инымъ чемъ, какъ ногомъ створять
И тѣмъ исходъ себѣ на свѣтъ уготовлять.